

Речь товарища М. А. ШОЛОХОВА

Товарищи! Как по отдельным притокам, испорченным и своеобразным прелестям, и русского очарования, нельзя судить о всем покоряющем величии Волги, так и по отдельным, разрозненным сообщениям печати о наших трудовых буднях и достижениях трудно представить грандиозность размаха строительства и свершений Родины.

Но вот, когда мы собираемся на наш съезд партии, когда слушаешь доклад и вдумываешься в цифры, суммированные количества того, что сделали за истекшие годы народ и партия, — тут-то и встает перед тобой результат титанической работы, тут-то и ощущаешь всю мощь того, что творит народ во имя своего будущего.

Но если после лирического вступления сразу перейти к прозе, то со всей открытостью должен заявить — я завидую тем, кто с трибуны съезда может сказать о больших успехах в той или иной области промышленности, науки, образования. Я выступаю здесь как представитель советской литературы и должен с горечью сказать о том, что успехи у нас, литераторов, не так велики, как того бы хотелось вам, читателям, и самим нам, писателям. (Аплодисменты).

Я не разделяю оптимизма того тульского секретаря из анекдота, который на вопрос, как обстоит дело с ростом литературных кадров, ответил: «Нормально, даже хорошо! Если раньше в Тульской губернии был всего лишь один писатель — Лев Толстой, то сейчас у нас 23 члена Тульского отделения Союза писателей. (Оживление в зале, смех, бурные аплодисменты).

Количеством мы растем, но, как говорят кооператоры, «предлагаемая продукция не совсем отвечает иногда желаемой кондиции». (Оживление в зале, аплодисменты).

Слов нет, появились за последние годы и хорошие книги. Они есть — и в поэзии, и в прозе, но их мало. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что обсуждаемый сейчас список произведений, выдвинутых на соискание Ленинской премии, явно бедноват и, за исключением двух-трех стоящих книг, остальные едва ли выдерживают те требования, которые должны быть предъявлены даже при первоначальном обсуждении.

Это не застой. Писатели работают. Но значительные произведения появляются не ежегодно, да было бы и неоправданно ожидать частого их появления. Даже в таком благодатном крае, как Краснодарский, и то бывают неурожайные годы и недороды. А что же вы хотите от литературы? (Оживление в зале, бурные аплодисменты).

Что касается, например, литературы о войне, то медленное продвижение ее объясняется, на мой взгляд, сложностью самой тематики. Военная мемуарная литература только за последние годы получила у нас широкое развитие. Не высказались еще многие наши признанные полководцы и военные деятели, а ведь написать воспоминания значительно легче, чем объемное художественное произведение. Не думайте, что я ишу здесь оправдание себе: ведь о войне пишу не я один и будут писать многие после нас. Я просто констатирую факт.

Не хочу обременять вас подробным анализом литературных дел, да это и не под силу одному человеку. Об этом предстоит большой разговор на нашем писательском съезде, который будет в этом году.

Хотелось бы сказать несколько слов о том, что принято называть местом пи-

сателя в общественной жизни. Какими явлениями характеризуется жизнь современного нам общества и какова должна быть позиция писателя как деятеля культуры по отношению к этим явлениям?

Всякому непредубежденному человеку, по моему, ясно, что в жизни мира происходят процессы, которые не позволяют честному писателю или художнику оставаться в позиции стороннего наблюдателя. Казалось бы, простая истина, но порою приходится о ней напоминать. Современное человечество переживает события, течение которых никак не назовешь плавным. Продолжается американская агрессия во Вьетнаме. Испытываются разрушительные средства чудовищной силы. Западногерманские милитаристы и реваншисты стремятся получить это оружие в свои руки. Реакционное буржуазное искусство всячески разжигает в людях самые низменные страсти, выступает как злые силы из древнейших сказок и преданий народов всех стран, стараясь обратить человека в его противоположность, лишить его человеческого образа и человеческой души. Разные симптомы, но говорят они о явлениях одного порядка.

Наша страна, другие страны социализма стали в глазах миллионов людей труда различных наций, различных политических взглядов, различного цвета кожи оплотом надежды, оплотом веры в доброе и светлое будущее. (Бурные аплодисменты). Все, что мы строим, создаем, над чем работают наши рабочие, крестьяне, ученые, художники, на что вдохновляет нас наша партия, все это строится и создается для мира на земле, для торжества свободного труда, во имя идеалов демократии, социализма, братской дружбы и сотрудничества народов. Для человека. Для человечества.

И сегодня с прежней актуальностью звучит для художников всего мира вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?». Подавляющее большинство советских писателей и прогрессивных писателей других стран ясно отвечает на этот вопрос своими произведениями. О роли художника в общественной жизни мне приходилось беседовать с писателями, с корреспондентами газет и журналов, на больших, представительных собраниях не раз. В частности, это заняло немалое место в моей речи в Стокгольмской ратуше во время нобелевских торжеств прошлого года. Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней. (Оживление в зале). И форма изложения моих мыслей была соответственно несколько иной. Форма! Не содержание. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты. Кому-то это может прийти не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться. Более того, именно это и уважают всюду. (Бурные аплодисменты). Где бы ни выступал советский человек, он должен выступать как советский патриот. Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой Родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, наро-

да, советского человека. (Бурные аплодисменты).

Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же, русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом — осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято.

Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся, что они малая частица народа великого и благородного. (Бурные, продолжительные аплодисменты). Гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины. Она создала нас, дала нам все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу Советскую Родину матерью. Все мы — члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода». Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем обогатить свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Мне стыдно не за тех, кто обогнал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. (Продолжительные аплодисменты).

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (Бурные аплодисменты).

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее. (Бурные аплодисменты).

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стелются о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели? Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не слюнтяйство. (Продолжительные аплодисменты).

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием» (аплодисменты), ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! (Аплодисменты). А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора.

Мне хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквильнтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики! Критику мы поддерживаем и развиваем. Она остро звучит и на нынешнем съезде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краски с палитры художника! (Продолжительные аплодисменты).

Товарищи! Я достаточно занял ваше внимание вопросами литературного порядка. Не подумайте, что мы, писатели, живем только делами литературы. Нас

волнует и многое другое. Например, писатель Леонид Леонов долгие годы посвятил упорной борьбе за сохранение красоты и богатства нашей природы — лесов. (Аплодисменты). Волнуют нас и иные проблемы. Вот тут пойдет речь о проблемах совершенно другого порядка. Давайте решим проблему Байкала! И позвольте хоть немного поговорить о вопросах нашего планирования.

В «Правде» за 5 марта был напечатан фельетон В. Титова «Административные лирики». Коротко о содержании этого фельетона. Некогда Министерство промышленности продовольственных товаров РСФСР решило построить в городе Калазине овощесушильный завод. Завод построили. Но сырьем он обеспечен не мог быть. Решили завод переоборудовать для изготовления соусов из соев. Переоборудовали. Но оказалось, что московский и серпуховской заводы в достатке снабжают этим соусом жителей столицы и окрестностей. Завод пытались переоборудовать на молочный, закупили дорогое импортное оборудование, но не успели установить это оборудование, как решили переделать завод — под военскую обработку птицы. (Смех). Банк отпустил крупную сумму. А в результате оказалось, что мощность завода во много раз превышает наличие и этого сырья. Завод существует десяток лет, на все переделки израсходовано около миллиона новых рублей. Может быть, этот факт и не так уж велик по своей значимости, но позволительно спросить: какое же это планирование?

В прошлом году в Волгограде в результате халатности, а может быть, и недосмотра в планировании и постройке защитного сооружения упустили в Волгу с одного из заводов неочищенные воды. Погибшая рыба плыла на расстоянии 400 километров от места отравления. Учтено контрольными постами: 842 тысячи штук красной рыбы (то есть осетровых), 735 тысяч частиковой, не учтена погибшая молодь, личинки и икра. По приблизительным подсчетам, ущерб, нанесенный народному хозяйству страны, составляет 11 миллионов рублей. Но если принять во внимание, что добрая половина осетровых рыб тонет и не всплывает, то убытки можно по меньшей мере удвоить.

Вернемся к Байкалу. О нем говорилось и писалось много. Но у нас не очень-то иной раз прислушиваются к серьезным сигналам печати. И не получается ли на Байкале так же, как на Волге? А может быть, мы найдем в себе мужество и откажемся от вырубки лесов вокруг Байкала, от строительства там целлюлозных предприятий, а взамен их построим такие, которые не будут угрожать гибелью сокровищнице русской природы — Байкалу? (Аплодисменты). Во всяком случае надо принять все необходимые меры, чтобы спасти Байкал. Боюсь, что не простят нам потомки, если мы не сохраним «славное море, священный Байкал». (Продолжительные аплодисменты).

Есть, товарищи, вопрос личного порядка. Пропадает Тихий Дон. (Аплодисменты). Ежегодно промышленные предприятия сбрасывают в него, как утверждают специалисты, до 7 миллионов кубометров сточных вод. Азовский бассейн стоит перед реальной угрозой полного истощения рыбных запасов уже в ближайшее время. Если уловы только цен-

ных рыб в нем достигали прежде свыше полутора миллионов центнеров в год, то в настоящее время они не превышают 150 тысяч центнеров, то есть уменьшились в десять раз.

Сброс сточных вод промышленных предприятий, зарегулирование вод Дона Цимлянской плотиной, а тут еще не совсем продуманное хозяйствование министра рыбного хозяйства СССР тов. Ишкова — уже поставили Азовский бассейн на грань катастрофы. После долгого молчания в ответ на законные нападки «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» тов. Ишков выступил с невразумительной статьей, озаглавленной «Азовское море сегодня и завтра». У Азовского моря «завтра» может не быть, если тов. Ишков будет хозяйствовать так же, как и сегодня. (Бурные, продолжительные аплодисменты). Это с его соизволения почти весь год, за исключением двух летних месяцев, в море находится около 200 судов, занятых ловом бычка и тюльки. Это по его указанию только механизированными бычковыми драгами ежегодно уничтожается свыше десяти миллионов молодых судака, то есть сводится на нет работа всех нерестово-выростных хозяйств Азовского бассейна.

Ссылаясь на совещание работников научных и рыбообывающих организаций, тов. Ишков утверждает, что и теперь можно ежегодно отлавливать по 400—500 тысяч центнеров тюльки. Но не упоминает о том, что вместе с тюлькой вылавливаются и мальки ценных рыб.

Признаться, вчера, 31 марта, хотелось мне выдать тов. Ишкову по первое число, 1 апреля (смех, аплодисменты), но вечером встретился с фронтowymi друзьями, с давними товарищами, и черт меня дернул показать им выступление! Они обвинили меня в грубоватости, сказали, что тов. Ишков неплохой человек и работник, и я дал им слово смягчить выступление. (Общий смех, продолжительные аплодисменты). Поймите меня правильно, ведь чего только не сделаешь для фронтowych друзей! (Смех, аплодисменты). Хотелось бы мне покритиковать осетра, то есть министра. А тюлька — какой-нибудь Ростовский рыбвод — какой же смысл критиковать? (Смех, аплодисменты). Это выше моих возможностей. (Смех). Дал слово — держись, и поэтому я умолкаю. Могу только торжественно воскликнуть в адрес тов. Ишкова: «Хай вин живе и пасється... на тюльке!». (Общий смех, бурные аплодисменты).

Должен сказать и о том, что вклад наших ученых-ихтиологов в науку очень незначителен и крайне далек от нужд народного хозяйства. В таких странах, как Япония, Румыния и многие другие, с одного гектара пруда берется улов в несколько раз больше, чем у нас. Как видите, сопоставление далеко не в нашу пользу, и об этом стоит подумать тем, кому думать в этой области надлежит. И думать надо поживее, так как при стремительном оскудении наших рек вопрос о прудовом хозяйстве встает перед нами в ближайшее время со всей остротой.

В своем выступлении я уделю рыбному вопросу не меньше внимания, чем литературе. Вы думаете, это просто? Я за то, чтобы у нас в изобилии была рыба — тарань, рыбец, селедка, а не морская капуста. Пусть морскую капу-

сту ест тот, кто хочет. (Взрыв смеха, бурные аплодисменты). Я ратую за сохранение рыбы потому, что в ней много фосфора. Также утверждают, что фосфор благотворно действует на человеческий мозг, усиливает его деятельность. (Смех, аплодисменты). А ведь эта штука нужна не только писателям! (Смех, аплодисменты).

Разрешите еще несколько слов о планировании. Сошлюсь на такой пример. Вообще-то я за планирование, но и за изобилие тоже. Колхозам и совхозам Ростовской области не хватает сейчас двух тысяч тракторов. Я за такое планирование, чтобы министр сельского хозяйства тов. Мацневич сам предложил эти тракторы, чтобы мы не посылали областных работников добывать их всеми правдами и неправдами. А что получается? Вот наши областные работники едут в Москву, добывают то то, то другое. Глядя на них, еду и я. (Аплодисменты). Но у меня масштабы, естественно, поменьше: то школу выхлопотать, то шифера для колхозного строительства достать или леса. И вот прихожу я к министру: «Товарищ министр, дайте, пожалуйста, три тысячи листов шифера для колхозных коровников и телятников!» А министр отвечает: «Ты же понимаешь, что у нас плановое хозяйство! По плану вы уже все получили, что вам полагается». Я ему говорю: «Я-то понимаю, но коровы, не говоря уже о телятах, не понимают, почему они должны осенью мокнуть под дождем, а зимой мерзнуть». (Аплодисменты). Шифером покрывают не для фансоны, не для красоты, а из хозяйственных соображений. Кроме того, если покрыть коровники соломой, то не будет стимула для усердной заготовки кормов: в случае бескормицы всегда соломенную крышу можно сравнить на корм, а шифер не страшишь... (Смех, аплодисменты). И вот постоянно этак подбираешь, замечаешь за собой неприятные изменения и в характере, и даже в фигуре. (Смех, аплодисменты). Куда только девается гордая писательская осанка и бывшая солдатская выправка! Замечаешь, что у тебя и спина как-то просительно согнута, и ты уже обращаешься к министру «не товарищ министр», официально, а этак заискивающе: «Дорогой Иван Иванович!». Постепенно поправки в наше планирование, которые заставляют вносить сама жизнь, вырабатывают у тебя некие хищнические наклонности: в перерывах даже здесь, на съезде, ходишь по кулуарам и ястребиным взглядом ищешь кого-нибудь из министров и думаешь: «Что бы у него раздобыть?» (Смех, аплодисменты). А если по телефону добьешься аудиенции у министра, то говоришь, что просит не депутат Верховного Совета, а писатель. К писателям у министров более чуткое отношение. Словом, ловчишь по-всякому. Так что, как видите, писательская доля тоже не без издержек.

Прошу прощения за то, что я разрешил себе улыбнуться на этой высокой трибуне. Но если говорить серьезно, то все мы крепко верим в могучий разум нашей партии, в осуществление всех задач, на решение которых она позовет нас.

И можете быть уверены, дорогие товарищи делегаты, что многотысячный отряд писателей, по-настоящему преданных Родине и партии, целиком разделяет взгляды на искусство и литературу, выраженные в отчетном докладе нашего Центрального Комитета, полностью поддерживает политику нашей ленинской партии. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Комсомольская правда, 1966, 2 апр.